

Соорья Ремез

Заметки
Гоши
Кунцины,
ученика 4 «А» класса

Софья Ремез

Заметки Гоши Куницына, ученика 4 «А» класса

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63315018

Заметки Гоши Куницына, ученика 4 «А» класса: КомпасГид; М.; 2020

ISBN 978-5-00083-730-6

Аннотация

Ох уж этот Гоша! То он организует школьный клуб «Хрю» и сам верстает журнал «Хрюнландия», преследуя благородную цель – защитить свиней от злой молвы. То отправляется с папой и младшим братом гулять и превращает всю дружную мужскую компанию в бандитов, валяющихся в снегу. То поддерживает папу в бунте против расточительства мамы и старательно составляет список того, что можно купить вместо билетов в Европу. Да, с такой семьёй у Гоши фантазия работает на все сто процентов, а то и больше!

И вот Гоша решает стать писателем. И знакомит Колобка с Гарри Поттером и тремя поросятами. Только маме с папой произведение почему-то не нравится – просто скучные они, правда? Но тебе-то наверняка придутся по душе сочинения талантливого школьника! Тем более он извлёк из опыта с Колобком урок: лучшие герои – не вымышленные, а настоящие.

Софья Ремез (родилась в 1983 году) умело стилизует свои небольшие – порой забавные, порой трогательные – зарисовки под заметки четвероклашки. Кто-то узнает в нём легендарных фантазёров из «Денискиных рассказов» Виктора Драгунского, кто-то – Диму Василькина из книги Виктории Ледерман. А всё потому, что это классические школьно-семейные истории, близкие и понятные читателям 8–11 лет. Отдельные рассказы из книги уже публиковались в журнале «Чиж и Ёж», но под одной обложкой вся коллекция собрана впервые. А оживила образы молодая талантливая художница Мария Рязанцева.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Мой первый рассказ	6
Серёжа	20
На ошибках учатся	32
За старшего	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Софья Ремез
Заметки Гоши Куницына,
ученика 4 «А» класса

Оскар Ремезу и Тёме Пушкарёву

© Ремез С., текст, 2020

© Рязанцева М. В., иллюстрации, 2020

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2020

Мой первый рассказ

Сегодня на уроке по литературному чтению Людмила Васильевна сказала:

– Кто захочет, к следующему уроку напишите рассказ. Попробуйте свои силы.

Я точно напишу. Глупо было бы не попробовать силы, ведь мой дедушка был писателем, а ещё у меня мама – настоящий редактор. Немногим так повезло с мамой. Я пишу – она редактирует. Так недолго и литературную премию получить, с такой удачной мамой. И зря папа всё время говорит, что от маминой специальности никакого проку. Вот и

настал её час! А то даже обидно было! Вон у Тони Барсуковой бабушка – математик, любую формулу может объяснить! А я своей маме математику сам объясняю. Она ещё в начале первого класса мне сказала: «Я, Гоша, в школе училась плохо и задачки ваши не понимаю. И вообще, вот у вас тут написано: у Лены было четыре килограмма яблок, и требуется вычислить, сколько осталось после того, как она съела килограмм. А я вот считаю, что маленькая девочка не может за раз сжевать килограмм яблок». Пытался я маме объяснять про условности, про то, что на месте девочки Лены может оказаться дяденька Леонид, напоминать о том, как папа килограммами ест мандарины и не лопаются, но мама всё равно отказалась задачки решать. А ко второму классу выяснилось, что таблицу умножения она в школе пропустила и потому не знает, а без таблицы умножения во втором классе... Сами понимаете.

У Саша Федохина мама – биолог, она ему с заданиями по окружающему миру помогает, каждую жужелицу в лесу по имени и отчеству может назвать... У них дома целый сад растёт, а у нас даже кактус – и тот без ухода загнулся. Мама каждый год после летнего отпуска покупает десяток горшков с цветами, поливает их иногда, но ни одно растение даже до зимы не доживает. «Это потому, что у нас окна на солнечную сторону», – говорит мама. У Эли Потаповой мама играет на скрипке. И Эля играет. И если нужно с сольфеджио помочь – Элина мама тут как тут. А мне, понятное дело, с сольфеджио самому пришлось разбираться. Моя мама в музыкальную школу ходила, но, как она сама говорит, «выборочно». Это значит, что сольфеджио, хор и музыкальную литературу она прогуливала. «И вообще, сольфеджио – что-то

вроде математики, а математику я не понимаю», – вот так мама скажет, если спросить, почему прогуливала.

Удивляюсь, как мою прогульщицу маму так любят на работе. Даже на двух работах! Вот и пришло время узнать наконец, какая от мамы польза человечеству.

Я попрощался с ребятами, дошёл с бабулей до дома и после обеда засел за рассказ. Рассказ сначала легко пошёл. Слова сами собой складывались в предложения, предложения – в абзацы, и мне самому было очень интересно рассказ писать. Персонажей я выдумывать не стал – зачем зря голову ломать, если уже столько персонажей хороших есть! Например, три поросёнка! Такие розовые, весёлые, а про них всего одна сказка! Да какая коротенькая! Или Колобок. И персонажи мультиков, и Гарри Поттер! Или вот Лисичка-сестричка. Словом, взял я несколько готовых персонажей и поместил в один рассказ. Получилось очень здорово! И смешно. Людмила Васильевна предлагала три-четыре странички написать, но я мелочиться не стал. Мне времени на хороший рассказ не жалко. Написал двадцать страниц! Не поленился!

Еле дождался, пока мама придет с работы. Прямо с порога обрадовал:

– Мама! Есть для тебя работа!

– А я как раз думала, чем бы мне заняться вечером?!

Кажется, мама не очень обрадовалась.

– Нам задали написать рассказ. Я написал. Отредактируешь?

– Могу. Только дай я выдохну и выпью кофе.

Мне никогда не было понятно, зачем маме всякий раз выдохнуть, прежде чем выпить кофе, и для чего вообще так долго сидеть над такой маленькой чашечкой, всё содержимое которой можно выпить за два глотка. Но пока мама не выпила кофе, обращаться к ней бесполезно, так что я принялся

ждать. Когда, по моим расчётам, кофе должен был уже закончиться, я подсунул маме под руки тетрадку с рассказом. Мама задумчиво начала читать.

– Гоша, принеси карандаш, – попросила она через пару минут.

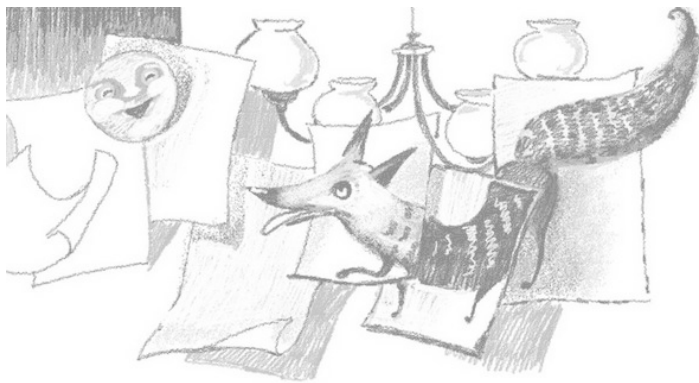
Я, конечно, принёс и сразу услышал скрип грифеля о бумагу. Кажется, мама редактировала рассказ даже дольше, чем я его писал. Она грызла кончик карандаша, хмурилась, задумывалась и очень много вычёркивала.

– Ну вот, готово, – мама протянула мне тетрадку. – В-первых, рекомендую сократить до одной-двух страниц. Во-вторых, персонажей у тебя слишком много, оставь несколько. В-третьих, структура никуда не годится – где у тебя завязка? Где кульминация? Вот Колобок и три поросёнка пошли в лес, вот они у тебя блуждают по лесу, прыгают в овраг, ходят, ходят, и что? Или вот Лисица в твоём рассказе «шла расстроенная неудачным поеданием Колобка». Если она его съела – поедание удачное, если нет – то и не было никакого поедания. Слишком много подробностей! Я вычеркнула то, что кажется мне лишним, и подчеркнула места, в которых есть смысловые или логические ошибки, на полях подписала возможные варианты исправлений. Рекомендую доработать.

Я открыл тетрадку. Почти всё было или зачёркнуто, или подчёркнуто. Я попробовал доработать. Переписал почти всё, к маминим рекомендациям прислушался. Оставил Колобка, Лису, Медведя, Волка, ну и ещё парочку персонажей. Развил сюжет, эффектную концовку добавил – в моей новой концовке Колобок сам съедает лису и оставались от неё рожки да ножки. Перечитал. Смешно. И тут папа с работы пришёл, а я к нему – не как к папе, как к читателю.

– Пап, почитай рассказ, нам на дом задавали. Я написал. Мама редактировала. Я доработал.

– Конечно. Только дай мне выдохнуть и просмотреть новости.

Зачем папа всякий раз выдыхает и просматривает ново-

сти, вернувшись с работы, – не знаю. Ведь на работе он тем же самым занимается – следит за новостями. Видимо, он так привык работать, что просто не может остановиться. Конечно, папа не просто так просматривает новости, он ещё ест мандарины. Мандарины хранятся под столом в огромном пакете. Папа садится за стол, достаёт мандарины, открывает ноутбук и начинает читать, а пока читает, чистит и ест мандарины. Он съедает, наверное, штук десять-пятнадцать, потом делает себе бутерброд, и вот в этот момент к папе уже можно приставать с вопросами. Бутерброд папе я принёс сам, а вместе с бутербродом всучил тетрадку.

Папа нахмурился, закрыл ноутбук и открыл мой отредактированный и доработанный рассказ. Через пару минут он попросил карандаш. Я принёс и вскоре услышал знакомый скрип грифеля.

– Значит, так, – сказал папа, когда закончил править, – почему у Лисы нет хвоста? Почему шерсть у неё стоит дыбом? Думаю, все эти подробности – лишние. Ну и мораль какая? Вот у тебя Колобок съедает Лисичку! Во-первых, это негуманно, во-вторых, чему учит детей твой рассказ? История должна закончиться поучительно. Пусть лучше Лиса съест Колобка и пусть будет за что! Вот, к примеру, пусть он хватается, что никому до Лисы съесть его не удалось!

Я сел за стол и доработал рассказ так, чтобы были и мораль, и логика. Но когда я перечитал то, что получилось в итоге, мне показалось – историю эту я где-то уже слышал, и

не раз. И в школу рассказ не понёс. А на следующий день засел за роман и решил на будущее: родителям ничего показывать не буду. Вот получу литературную премию – пусть тогда читают и критикуют.

Серёжа

Сказать, что Серёжа появился у нас дома с бухты-барухты, никак нельзя.

Во-первых, сначала у нас появился его портрет. На клочке тонкой бумажки виднелись смутные очертания серого облака. Почему-то и мама, и папа, и бабуля, мамина мама, могли разглядеть на этой странной фотографии лицо, щёки, рот и даже глаза.

– Гоша, посмотри! Это твой братик, – склонилась надо мной мама.

– Какой ещё братик? Он что, скоро родится?

– Очень нескоро! Месяцев через пять!

Во-вторых, постепенно вся бабушкина квартира оказалась завалена Серёжинными вещами. В какой бы ящик я ни заглядывал, оттуда выпадали крохотные штанишки, микро-скопический носок или кофточка, а письменный стол превратился в гладильную доску, где бабуля с утра до вечера проглаживала эти малюсенькие штуковины – «с двух сторон, потому что у малышей долго заживает пупочная ранка».

В-третьих, у мамы много дней увеличивался живот. Потому что в этом самом животе всё с бóльшим комфортом обу-страивался и рос Серёжа. Мама перестала кататься со мной на велосипеде, а потом и на самокате.

Как-то я долго не мог уснуть и услышал, как папа, вернувшись с работы, с порога заявил маме воодушевлённым голосом:

– Нужно начинать готовить Гошу к появлению братика! Я прочитал большую статью о том, как это правильно делать.

И вот меня начали готовить.

– Нужно быть очень внимательными к нему! Его ожидает серьёзный стресс, нужно дать понять ему, что мы его очень любим и понимаем его проблемы, – громким шёпотом твердил папа маме вечерами.

– Ты не волнуйся, он не будет трогать твои игрушки! – грозно обещала мне мама.

– Наша жизнь нисколько не изменится! – убеждал меня папа.

– У мамы и папы всегда останется время на тебя, – кивала головой папина мама, моя вторая бабушка, и возмущённо добавляла будто про себя: – О чём только думают, второго ребёнка заводить.

И папа очень жалел меня, и мама жалела, и целовала, и обнимала чаще обычного. И вообще, взрослые смотрели на меня с жалостью.

Одноклассники, у которых уже были братья или сёстры, тоже жалели меня. И только бабуля продолжала заваливать дом малюсенькими вещичками, наглаживать их горячим утюгом с двух сторон и радостно напевать.

Я просил взрослых не говорить о брате, но они никак не хотели остановиться, и я не мог думать ни о чём, кроме как о том времени, когда брат будет отнимать мои игрушки, родители забудут обо мне и случится у меня сильнейший стресс. Ночами мне снилось, что мои вещи выбрасывают из шкафа и заполняют полки малюсенькими вещичками, проглаженными с двух сторон.

Мама шила какие-то подушечки и салфеточки. Очень

непохоже на мою маму. Раньше она редко баловала нас домашними ужинами, а теперь иногда даже готовила обеды... Эти обеды особенно пугали меня. Мама, к которой я привык, совсем изменилась. Что же будет дальше?

А дальше наступило первое сентября, и я пошёл в четвёртый класс. Мама с папой провожали меня в школу. Всё было как обычно – как тогда, когда не было ещё никаких разговоров о братике. Мама смеялась, фотографировала меня и папу, болтала с другими родителями. Я даже подумал, что, может, и не будет никаких братиков?! Может, мама просто потолстела немного и они хотели напугать меня, чтобы я вёл себя приличнее?

На следующее утро папа разбудил меня очень рано:

– Поехали к бабуле. Маму сейчас заберут в роддом, и я буду там вместе с ней.

И тогда я подбежал к маме и обнял её. Это был последний раз, когда я обнял маму, перед тем как появился Серёжа. Тогда мама ещё была только моя. Она волновалась, я волновался, волновался папа, но больше всех волновался, наверное, водитель машины скорой помощи, который приехал, чтобы увезти маму в роддом. Серёжа так быстро выбирался наружу, что не успел я отправиться в школу от бабули, как мама прислала нам с папой фотографию. На ней был сморщенный человек, завернутый в большое одеяло.

– Вот он!

Не помню, что я тогда сказал.

Маму должны были выписать из роддома через четыре дня. Мы с папой пропылесосили квартиру, собрали вместе колыбельку для брата. Пока папа не видел, я даже проверил её на прочность. По правде, мне было интересно, не удобнее ли эта колыбелька, чем моя собственная кровать. Она опасно затрещала, когда я залез внутрь, и показалась мне всё же тесноватой. Пусть себе спит в ней сам.

Я не поехал с папой забирать маму, решил дождаться их дома. Они появились через пару часов. Втроём. Мама положила большой свёрточек с маленьким Серёжей на большую кровать, и мы с папой склонились над ним. Я задумался, за-

чем нам понадобился такой странный маленький человечек, который ничего не умеет, а только лежит и обиженно похрюкивает носом.

Первые дни и даже недели мне было обидно. Все взрослые как сговорились – они склонялись над свёрточком, и умилялись, и щебетали без умолку: «Какие ручки, какие ножки, какой миленький». А я ничего миленького не видел. Кроме того, братец время от времени противно кричал, требуя, чтобы мама его накормила. Не понимаю, как можно быть таким невоспитанным и при этом получать одни только похвалы.

Так прошло несколько месяцев. Жизнь шла своим чередом. Я ходил в школу, папа – на работу, бабуля стирала и гладила маленькие вещички, мама никуда не ходила, и казалось, что теперь она проводила со мной гораздо больше времени, чем раньше. Иногда нам удавалось поиграть с мамой, пока Серёжа спал. Время от времени я даже помогал ей с Серёжей, хотя, если уж быть честным, братец мне по-прежнему совсем не нравился. Без него было гораздо лучше, интереснее, тише и веселее.

Всё изменилось однажды утром.

Маме надо было уйти по каким-то делам, и братец остался на нас с папой. Мама велела разогреть молоко, когда Серёжа проголодается.

– Надеюсь, вы продержитесь пару часов! – сказала она, скрываясь за дверью.

Сначала мы держались молодцами. Я готовился к словар-

ному диктанту за кухонным столом, папа читал газету, а Серёжа валялся в своей колыбельке.

Но вот папе показалось, что мы с братом уже проголодались, и он решил покормить нас. Мама оставила бутылочку с молоком для Серёжки, немного овсянки в кастрюльке для меня и инструкцию со множеством пунктов для папы. Он действовал чётко по этой инструкции: разогрел и размешал кашу, поставил молоко в специальный подогреватель, посадил брата в креслице и даже выдал ему огромную шуршащую бабочку. Оставалось только пристегнуть Серёжу ремнями безопасности и достать тарелку для каши. Но тут папе позвонили с работы. Там, как всегда, случилось какое-то ЧП.

Когда я был маленьким, даже думал, что папа – пожарный или спасатель, так часто он убегал на работу со словами: «У нас опять ЧП». Потом, когда я узнал, что папа работает пиарщиком, стало ясно, что эта профессия – одна из самых опасных...

Словом, папа, держа в одной руке телефонную трубку, а в другой – тарелку, поздно понял, что третьей руки, которой он мог бы включить компьютер, чтобы сразу же остановить надвигающееся ЧП, у него нет. Он почему-то решил, что я догадаюсь забрать у него тарелку, и отпустил её, и она грохнулась на пол, осколком порезав папе ногу. В ту же секунду Серёжка выронил бабочку, потянулся за ней и вывалился из

креслица, беспомощно взмахнув руками, как крыльями.

Папа в ужасе застыл на месте. Я бросился к брату, который громко ревел, на этот раз действительно по делу. Я поднял его и крепко прижал к себе. Под глазом у него розовела ссадина, от крика он совсем охрип и сильно покраснел.

– Серёжа, миленький, не плачь! – повторял я.

Мне и правда стало ужасно жалко брата, и даже мамы не было рядом, чтобы его утешить.

Вдруг он замолчал и... улыбнулся мне сквозь слёзы.

Он улыбался меньше секунды, но по-настоящему. Он будто сказал мне: «Спасибо, что спас, братец».

Конечно, потом папа забрал у меня Серёжу и отвёз его в травмпункт, и врач заверил нас с папой, что все руки и ноги у него на месте и что голову он не расшиб, но Серёжа уже не плакал. И каждый раз, взглянув на меня, немножечко улыбался.

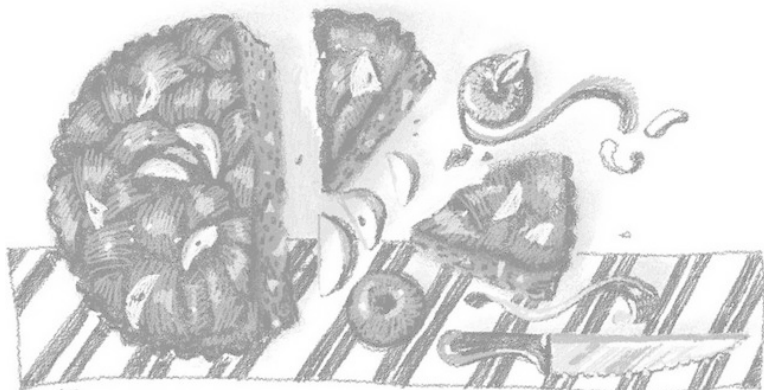
С тех пор я решил, что не так уж плохо иметь брата. И не такой уж он сморщенный, не так уж противно кричит. Он благодарный, тёплый, а главное, весёлый, прямо как я. И улыбка у него добрая, как у папы.

Это ведь так непросто – быть совсем маленьким, когда ты ничего толком сделать не можешь, только махать руками да реветь...

Когда Серёжка подрастёт, обязательно научу его правильно падать и группироваться, как учили меня в секции по борьбе. А то вдруг меня не будет дома, когда у папы на ра-

боте снова случится ЧП?!

На ошибках учатся

На ошибках учатся

Моя бабуля очень вкусно готовит. Редко, но вкусно. Если не слишком жарко, не слишком холодно, и мама с бабулей не поругались, и папа не позабыл закупить продуктов заранее, и у всех подходящее настроение, то вечером на сладкое будет шарлотка.

Сперва бабуля всегда спрашивает:

– Гошенька, чего бы тебе хотелось?

Ответа она не дожидается. Все мы знаем, что бабуля будет

готовить шарлотку.

Несколько лет назад она купила мультиварку. Огромная коробка долго стояла под столом, пока кто-то из телевизора не посоветовал бабуле воспользоваться волшебным прибором. Телевизору бабуля доверяет гораздо больше, чем своим подругам, коллегам и тем более папе с мамой. Поэтому она извлекла мультиварку из коробки, изучила инструкцию и пошла в интернет искать рецепт. Затем бабуля позвонила папе, сообщила о том, что у неё случилось настоящее ЧП. Папа примчался. Оказалось, интернет не желает выдавать рецепт. Папа с интернетом быстро договорился и выписал рецепт на листочек. Надо сказать, что ещё до того, как интернет изобрели, бабуля уже готовила шарлотку. По собственному рецепту. Это было очень вкусно, но совершенно неправильно!

Теперь, прежде чем начать готовить, бабуля всегда напоминает мне правила:

– Мне не мешать! Я сама знаю, что делать! Не крутись у меня под ногами!

Затем сетует на качество продуктов:

– Опять твоя мама привезла не те яблоки! Кто же готовит шарлотку из сладких яблок?! Яблоки должны быть кислые!

– Так они, бабуля, кислые!

– Ничего подобного! Что я, не чувствую разницы между кислыми яблоками и сладкими?!

– Ну пусть шарлотка получится сладкая!

– Сладкая шарлотка – это нонсенс! Твоя мама всегда всё делала мне назло. Вот когда я учила её кататься на лыжах, она всегда неправильно ставила ноги! Назло! А когда я отдала её в музыкальную школу, она прогуливала!

Бабуля может часами говорить о том, как мама на корню губила все её, бабулины, добрые начинания. Одновременно она моет яблоки, очищает их – и тут уже нужна моя помощь. Я подьедаю шкурки, скрученные в забавные улитки.

И мне, и маме, и папе кажется, что бабуля кладёт слишком мало яблок.

– Так написано в рецепте! – она грозно сдвигает брови. – Если положить больше, шарлотка не приготовится!

Так сказала ей одна женщина на работе. По словам бабули, эта женщина делала шарлотку больше десяти раз, всякий раз шарлотка не получалась, она выбрасывала пирог и готовила новый. И только когда эта женщина догадалась посмотреть

рецепт в интернете и строго следовать ему, у неё получилась вкусная шарлотка! Моя бабуля не хочет выбрасывать столько шарлоток, она сразу научилась на чужих ошибках. Она всегда учится на чужих ошибках. И другим советует. Мама учится на своих и считает, что так интереснее. Но мама не умеет готовить шарлотку и даже учиться не хочет, а бабуля – готовит, пусть и недокладывает в неё яблок.

– Наверное, мама тебя совсем не кормит? – между делом интересуется бабуля, нарезаая яблоки тонкими дольками.

– Ну почему же? Мама готовит завтрак и ещё ужин иногда.

– Иногда! – фыркает бабуля.

По словам мамы, когда я родился, бабуля сразу предложила отдать меня ей, потому что «с такой матерью ребёнок просто погибнет». Мама меня не отдала, но я не погиб. «Не погиб только потому, что часто у меня бывал», – так говорит бабуля.

Тем временем яйца взбиваются с сахаром, а затем и с мукой, и бабуля всё продолжает маму ругать (раньше я даже думал, что еда от этого получается вкуснее). Затем бабуля всё заливает в мультиварку и нажимает кнопку.

– Дальше она всё сделает сама, – кивает бабуля в сторону мультиварки.

Она вообще уважает приборы, которые всё делают сами. Недавно решила купить робот-пылесос, но потом почитала

инструкцию и обнаружила, что с ним совсем не просто договориться. Пропылесосить обычным пылесосом оказалось проще, чем настроить робота. Мультиварка – совсем другое дело. И пусть она у бабули готовит только шарлотку, зато какую!!!

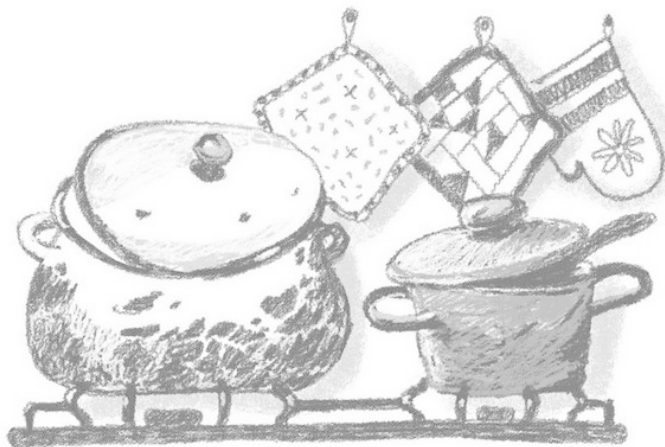
Вот пищит мультиварка, значит, пришло время достать шарлотку, посыпать её сахарной пудрой и пробовать. Тут я тоже помогаю. Сахарной пудрой посыпает бабуля, а пробую я. Это у меня получается прекрасно, бабуля мной довольна.

Любителю шарлотки важно развить в себе чувство такта. Это значит, если яблок в пироге маловато, признаваться в этом ни в коем случае нельзя. Вот мама – та сразу так и говорит: «А яблок могло бы быть и больше». Бабуля справедливо называет это хамством и сильно обижается. Папа, напротив, ничего не говорит, а просто съедает всю свою порцию за две минуты. Я учусь на их ошибках! Медленно отрезаю себе тёплый пружинящий кусочек, наклоняю голову и кусаю так, чтобы на языке оказывалось как можно больше яблок. Расплываюсь в улыбке и одобрительно киваю головой. Бабуля радуется. Шарлотка и правда вкусная.

– Спасибо, бабуля! Очень вкусно! – говорю я с набитым ртом.

– Не говори с набитым ртом, – радостно отвечает бабуля. – А ведь это всё интернет! Даже не знаю, как я раньше без него жила!

За старшего

За старшего

С тех пор как родился Серёжка, мама совсем перестала готовить мне еду. Она и раньше не очень-то любила это дело, а тут совсем стало не до того. Всё время мама теперь готовит для Серёжи.

– Гоша, ты голодный? – спрашивает она для порядка, когда приводит меня домой из школы.

– Да нет, не очень, – отвечаю я тоже для порядка.

– Ну поищи что-нибудь в холодильнике, – растерянно просит мама.

Я ищу. Папа говорит, что в нашем холодильнике мышка повесилась от голода. Шутит, конечно. В холодильнике обычно лежат молоко и кетчуп, который каждый год остаётся с папиного дня рождения. В морозилке можно найти пельмени, а в шкафу, если хорошо поискать, найдётся гречка. Папа много работает и продукты покупать забывает, а если вспомнит, то приносит сразу целую гору полезных йогуртов, творога и овощей, которые я терпеть не могу. А мама обычно покупает «что-нибудь вкусненькое», но оно быстро заканчивается.

Словом, я научился варить пельмени и гречку. Гречку можно есть с молоком, можно – с маслом, а пельмени – просто так. Не так плохо, тем более что я часто бываю у бабули, которая покупает, как она говорит, всё, что только моей душешке угодно.

Надо сказать, аппетит у меня прекрасный. Моей душешке всё время что-то угодно, а вот о Серёжке так не скажешь. Его душешке не угодно ничего. Что только мама не предлагала ему – и специальное детское питание, и каши, и перетёртые супчики, и творожки! Серёжка всё это одинаково не любит. Говорить он ещё не умеет, но вы бы видели его лицо в тот момент, когда первая ложка чего-то съедобного оказывается у него во рту. Можно подумать, мама подмешала в творожок

толчёную жабу или чего похуже.

– Серёженька, съешь ложечку! Хотя бы попробуй, – умоляет мама.

Серёжка улыбается и молчит. И рот не открывает. После первой ложки не открывает. То есть попробовать он всегда соглашается. Потом выплёвывает первую ложку, и вторую ему уже никакими уговорами не затолкаешь в рот.

Вот поэтому-то Серёжка у нас худой. И папа беспокоится, что он худой, и доктор, и мама, конечно. Только самому Серёжке это их беспокойство до лампочки. А кормить его всё равно нужно. Меня уже, наверное, можно не кормить. Мне уже исполнилось десять лет, а дядя Дима, муж маминой сестры, тёти Лены, говорит, что во время войны дети моего возраста уже считались практически взрослыми.

Иногда обидно бывает, что мама так много времени тратит на приготовление протёртых супчиков, которые почти сразу приходится выбрасывать. Серёжка их, понятное дело, не ест. Хранить их нельзя, мне их совсем не хочется, а папа таким не наедается.

Иногда удаётся уговорить братца хотя бы немного съесть. На дне тарелки нарисована свинка. Мама взывает к Серёжкиному доброму сердцу:

– Смотри, Серёженька! Свинка сейчас утонет в супе! Давай её спасём!

Серёжка только смеётся.

– Давай съедим немного супа, чтобы свинка не утонула! – продолжает мама.

Серёжка нехотя открывает рот. Оп! И ложка уже внутри. За час-другой удаётся немного продвинуться в деле спасения свинки. Мама после такого обеда выглядит так, как будто она спасала настоящую большую свинью, тонущую в озере.

Кашу иногда получается впихнуть, заговаривая Серёжке зубы.

– Жила-была вкусная овсяная каша, – начинает мама, набирая кашу в ложку, – и никто, совсем никто её не любил. Бродила каша по миру и искала того, кто её хотя бы попробует... – Серёжка удивлённо открывает рот, а маме только это и нужно.

Серёжке очень нравится баллада о страданиях кабачкового пюре, а мне она совершенно непонятна. Ну как кабачковое пюре может страдать от одиночества? Как-то раз я не удержался и так маме и сказал:

– У кабачка нет души! Как он может страдать?!

– Иди делай уроки! – сердито ответила мама.

У папы свои методы борьбы с Серёжкиным голоданием. Когда он оказывается дома – а бывает это редко, когда у папы на работе не случается никакого ЧП, – он всегда кормит

Серёжку. Сначала папа придумывал всякие смешные слова. Например, слово «пыдыщ». Почему-то это слово очень смешило брата. Он хихикал и открывал рот навстречу ложке с чем-нибудь полезным. Через пару недель Серёжка раскусил папу и научился смеяться с закрытым ртом. Тогда папа придумал «банана-хулигана». Он укладывал сверху на ложку каши кусочек банана и рассказывал Серёжке историю о том, как «банан-хулиган» всё время убегает и прячется в каше. Бананы Серёже нравились, и в надежде поймать «хулигана» братец широко открывал рот и пытался схватить кусочек своими двумя зубами. В результате каша оказывалась во рту, а банан – на полу. И хотя метод был очень действенным, мама ужасно ругала папу после такой кормёжки, ведь убирать банановое хулиганство с пола приходилось именно ей. Сейчас «банан-хулиган» уже не радует Серёжу.

Мама никогда не оставляла нас с братом дома одних, а тут случилось непредвиденное. Родительское собрание у меня в школе. То есть Людмила Васильевна, наша учительница, всех предупредила заранее, и мама была в курсе, но думала, что пойдёт папа. А папа был уверен, что всё согласовал с мамой, что она оставит нас с бабулей и пойдёт сама. А бабуле рассказать об этом забыли, и она спокойно ушла за покупками, как обычно, забыв дома телефон.

– Значит, так, – серьёзно начала мама, – Гоша! Мне нужно уйти в школу! Я постараюсь, очень постараюсь обернуться за час. Мне придётся оставить вас с Серёжкой вдвоём. Думаю, не нужно пояснять, кто будет за старшего?

Пояснять было не нужно. Да я и не видел никакой проблемы. Серёжка спокойно спал в своей кроватке и выглядел

так, что я не ожидал от него никакого подвоха.

– Ни о чём не волнуйся, – сказал я маме. – Мы прекрасно проведём время вместе!

– Не доставай его из кровати! Не давай ему мелких игрушек! Не играй громко на пианино!

– Я всё понимаю, мам! Не будить Серёжку и не пугать его!

– Если что-то пойдёт не так – сразу звони мне!

– Ясное дело, ты, главное, не волнуйся!

– Ты ведь найдёшь чем перекусить?

– Конечно, найду!

И мама ушла. Взгляд у неё был тревожный. Как только за мамой закрылась дверь и громко щёлкнул замок, Серёжка поднял свою лохматую голову и сонными глазами взглянул на меня. Проснулся. Я сделал вид, что ничего не заметил, взял книжку о Шерлоке Холмсе и направился на кухню готовить себе перекус.

На перекус у меня была гречка: сначала крупу промыть водой, потом залить кипятком из чайника и поставить на средний огонь. Пока я читал про Холмса, вода выкипела, а это значило, что каша готова. Я положил себе несколько ложек, залил молоком из пакета и направился с тарелкой в комнату. Мама запрещает есть в комнате, и я хотел воспользоваться удачным моментом, чтобы совместить перекус и просмотр мультиков. Серёжка спокойно играл с машинкой у себя в кровати, но моя тарелка заинтересовала его сверх всякой меры. Он встал в кровати, зацепился за борт пальчика-

ми и стал требовательно кричать, глядя прямо в тарелку.

– Серёжка, тебе чего? Ты же не хочешь есть! Ты никогда есть не хочешь!

Братец продолжал кричать, и на глазах его появились слёзы. Мне стало жалко Серёжку. Он явно был голоден, а есть на глазах у голодного человека – на такую жестокость я не способен. Я поставил тарелку на тумбочку и сделал вид, что совсем не хочу кашу. Серёжка не унимался. Теперь он смотрел на тумбочку и даже показывал на неё одной рукой, кое-как удерживаясь в вертикальном положении.

– Серёжка, ну что тебе? Это невкусная каша, – уговаривал я его. – И ты не сможешь её есть! У тебя же только два зуба! Смотри, сколько нужно зубов, чтобы съесть такую кашу! – Я показал брату два ряда зубов. Он продолжал плакать, слёзы теперь катились по щекам, а вытянутая ручка дрожала.

– Мама запретила доставать тебя из кровати! Ну хочешь, я тебя достану?

Я не удержался, подбежал к Серёжке и взял его на руки. Он тут же поймал губами воротник моей рубашки и начал его обсасывать.

– Голодный, бедненький! Давай позвоним маме! – Я посадил брата обратно в кровать и набрал мамин номер. Телефон не отвечал. Видимо, маму попросили выключить звук, догадался я.

Тем временем Серёжка рыдал всё громче, иногда хватал свой кулак ртом и изо всех сил грыз его своими двумя зуба-

ми. Надо было что-то делать. В конце концов, за старшего был я, а за младшего был Серёжка, и младшему очень нужно было что-то поесть.

На кухне я обнаружил маленькую баночку с кабачковым пюре. Мама обычно грела пюре, но я совершенно не помнил, как именно она это делала. Я покрутил крышечку, она не поддавалась. Тогда я поддел её ложкой, и раздался хлопок. Крышка легко повернулась, доступ к зелёному пюре оказался свободен. Я не стал рисковать – вынимать брата из кровати и сажать его в специальный стульчик. Вместе с баночкой и ложкой я побежал в комнату. Братец висел на бортике кровати, заливаясь слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.